

Воспоминания

Ю. Ч. Наумов

В Пскове: канун и начало войны (Из воспоминаний)

Юрий Николаевич Наумов (1925–2002), уроженец деревни Лямоново Красногородского района Псковской области — педагог, участник Великой Отечественной войны, член Псковского объединения художников-любителей, преподаватель изобразительного искусства в Псковском пединституте. На протяжении многих лет занимался краеведческой работой: восстанавливал забытые страницы истории родного села, составил родословную бывших его владельцев — дворян Пещуровых, писал о встрече в имении бывших лицейцев — поэта А. С. Пушкина и дипломата А. М. Горчакова. Длительное время Ю. Н. Наумов работал над воспоминаниями, в которых попытался описать свою жизнь и историю родной деревни. В предлагаемом отрывке он повествует о времени своей учебы в Псковском землеустроительном техникуме, которая пришлось на канун Великой Отечественной войны. В Пскове же Юрия Николаевича застало и начало войны. Его воспоминания — свидетельство непосредственного очевидца происходивших событий, подростка — содержат моменты, дополняющие картину жизни среднего специального учебного заведения Пскова и обстановки в городе в июне 1941 г.

В 1939 г. я окончил Крестовскую неполную среднюю школу и получил свидетельство, дающее право поступления в среднюю школу или в специальное учебное заведение. Большинство моих сверстников остались работать в колхозе, другие поступали в школы ФЗО или ремесленные училища, и только некоторые продолжали учебу в Опочечком педагогическом училище или Красногородской средней школе.

Родители хотели, чтобы я тоже поступил в Опочечкое педучилище и стал учителем, но я этот вариант отверг, т. к. не видел в себе склонности к педагогике, и высказал желание остаться в колхозе. Родные уже было смирились с этим решением, но чистая случайность перевернула мою жизнь: в наш колхоз приехал для выполнения работ землеустроитель. Ему нужны были помощники для переноски инструментов, всевозможных реек, измерительной ленты и прочего. В числе его помощников оказался и я.

Этот человек с теодолитом в руках занимался съемкой местности с последующим составлением топографических карт, что меня очень заинтересовало. Я расспросил его о том, как можно приобрести такую специальность и что для этого требуется. Из его разъяснений я понял, что обучиться этому можно в Псковском землеустроительном техникуме, а чтобы туда поступить, нужно выслать необходимые документы и сдать вступительные экзамены. Я твердо решил попробовать поступить в этот техникум и заявил об этом родителям, которые полностью согласились с моими намерениями. Выслав документы, вскоре я получил вызов на экзамены. Впервые в жизни мне приходилось покидать родной дом и увидеть большой город, каким представлялся мне Псков.

Вступительные экзамены должны были пройти во второй половине августа. В назначенный день, собрав в фанерный чемоданчик необходимые пожитки, небольшой запас продуктов и кое-какие учебники, мы с отцом на телеге отправились на ближайшую железнодорожную станцию Опочка, отстоявшую от нашего дома в 56 км. С тревогой и грустью провожала меня мать. Выехав из дома рано утром, мы приехали в Опочку во второй по-

ловине дня. До прихода поезда еще оставалось часа два-три. Пользуясь свободным временем, мы с отцом пообедали из собственных запасов, отец поил и кормил лошадь, готовя ее в обратный путь, и давал мне последние наставления в дорогу. Когда началась продажа билетов, отец предложил мне самому подойти к кассе, купить себе билет, положить в надежное место кошелек с деньгами, которые родители выдали мне из скромного семейного бюджета, и ждать поезда Мариуполь — Ленинград. Поезд показался из-за поворота пути и, с шипением приблизившись к перрону вокзала, остановился. Мы подошли к нужному нам вагону, последовали последние прощания, и я зашел в вагон, занял свое место, еще раз через окно вагона попрощался с отцом и поехал в неведомый мир. Начинаясь новая страница в моей жизни — кончалось отрочество, начиналась юность.

Рано утром поезд прибыл в Псков. Вместе с другими пассажирами я сошел с поезда, и первое, что запомнилось на всю жизнь от первой встречи с Псковом, — это утренний воздух, крепко пропитанный каменноугольной гарью. С этого дня гарь и город слились для меня воедино, и живут по сей день, с той лишь разницей, что каменноугольная гарь уступила место бензиновой. Горожане постепенно вживаются в эту обстановку, а человеку, впервые прибывшему в город из деревни, этот воздух ощущается особенно остро. Расспросив у сведущих людей на привокзальной площади о том, как найти улицу Гоголя, 7, я сел на трамвай, доехал до остановки «Дом Советов» и без труда нашел техникум. После короткого объяснения в приемной комиссии я получил у коменданта разрешение на вселение в общежитие, ознакомился с расписанием вступительных экзаменов, провел небольшое знакомство с ближайшими торговыми точками и парикмахерской, и приступил к подготовке к экзаменам. В ближайшие день-два съехалось много абитуриентов, и комнаты общежития целиком заполнились.

Вступительные экзамены я сдал успешно и стал студентом Псковского землеустроительного техникума. Учебные занятия в техникумах, как и в школах, начались 1 сентября. Предметы, изучавшиеся в техникуме, были разными: часть из них — общеобразовательные, такие же как в средней школе, но гораздо больше было специальных, из которых

наибольший интерес для меня представляли геодезия и топографическое черчение. Геодезия на первых порах знакомства привлекла меня изучением специальных измерительных приборов, таких, как теодолит, нивелир, мензула, и использованием их при топографической съемке местности. Черчение мне было интересно прежде всего своеобразным родством с изобразительным искусством: вычертить карту или топографический план — это все равно, что условными знаками написать картину. Особенно меня захватывала работа по практическому написанию различных шрифтов, используемых при оформлении карт и планов. По этим предметам в течение всего обучения в техникуме у меня были только отличные оценки, и мои работы по черчению постоянно экспонировались на методическом стенде в кабинете черчения. За давностью лет имена многих преподавателей забылись, но своих любимых учителей я помню: преподавателей геодезии Васильева и Крюкова, черчения — Александра Макаровича Михайлова. Директором техникума в те годы был Алексей Львович Морохов.

Хорошо было поставлено в техникуме преподавание физкультуры и военного дела, что во многом обуславливалось сложной международной обстановкой: назревала Вторая мировая война, ее «дыхание» чувствовалось как в армии, так и на «гражданке». Знали мы и о крупных военных конфликтах: боях с японцами у озера Хасан и реки Халхин-Гол, освободительном походе Красной Армии в Западную Украину и Белоруссию, войне с Финляндией. В этих условиях подготовка молодежи к защите Родины была делом очень важным, если не первостепенным. Зимой 1939/40 г., когда шла война с Финляндией, преподавателями физкультуры и военруками техникума практиковались военные занятия. Это были воензированные лыжные походы (дневные и ночные) по маршруту, проложенному по льду Великой от Кремля до Черехи и обратно. Однажды я сильно обморозил руки (второй раз в жизни), и потом целую неделю ходил на занятия с забинтованными руками.

В то время в Пскове активно действовал аэроклуб, где молодежь обучалась летному делу. Два моих однокурсника посещали эти занятия и с восхищением рассказывали о первых опытах вождения в псковском небе послушных «кукурузников». В душе все мы

завидовали нашим авиаторам, с захватывающим интересом наблюдали за учебными полетами в небе над Псковом военных летчиков, выполнявших фигуры высшего пилотажа: «бочки», «мертвые петли» и т. п. Как правило, почти все студенты сдавали нормы на оборонно-спортивные значки — ГТО, ГСО, ПВХО, «Ворошиловский стрелок».

Вспоминая дни студенческой жизни, всплывают различные сюжеты — веселые, грустные, прозаические. Например, до приезда в Псков я ни разу не видел «живого» помидора, и когда однажды за столом друзья предложили мне его отведать, впечатление было такое, как будто ешь сырой картофель. Но отношение к помидорам вскоре изменилось, я с удовольствием стал есть их с хлебом и без него, лишь слегка присолив. В студенческой столовой, которая находилась в полуподвальном помещении общежития, кормили не досыта, но вполне сносно. А если кто получал из дома продуктовую посылку, то ее содержимое расходилось по рукам студентов, живущих в одной комнате. Частенько по вечерам, после подготовки к занятиям, мы собирали деньги и отправляли кого-нибудь в магазин за хлебом и квасом. Каждый получал порцию того и другого, и, разделавшись с такой «подкормкой», мы ложились спать. Поскольку наручных часов у студентов в ту пору не было, то ложились спать и вставали по бою часов на башне Дома Советов, который располагался в 50 метрах от общежития.

Свой досуг учащиеся техникума проводили по тем временам интересно. Ходили в кинотеатр «Пограничник», переименованный после войны в «Победу», где демонстрировались интересные фильмы. Одним из них был фильм «Истребители», вместе с которым пришла хорошая задушевная песня, олицетворявшая предвоенную обстановку и прощание с любимым городом, каковым для меня стал Псков. В летнее время по выходным дням ходили танцевать и развлекаться в Кремль — на «пяточок», располагавшийся на лужайке за собором. Мне нравилось с развалин башни Кутедрома любоваться летними закатами с отражением их в водах Великой и Псковы. Танцы и пение частушек проходили под аккомпанемент нашего гармониста Ивана Лосева, в совершенстве владевшего своим инструментом. Иногда такие вечеринки устраивались во дворе техникума. Хочется

при этом отметить такую деталь. В землеустроительном техникуме был мужской коллектив, а в расположенном через улицу педагогическом училище занимались в основном девушки. Поэтому эти два учебных заведения поддерживали между собой дружеские отношения, и при проведении молодежных вечеров всегда приглашали друг друга в гости. Вспоминается и одна грустная история, связанная с проведением таких вечеринок. Весной 1940 г., после окончания войны с Финляндией в Псков прибыло на временное размещение очень много военнослужащих. Город буквально наполнился ими. И вот, в один из субботних вечеров на наш «дворовый пяточок» кроме студенческой молодежи зашли несколько военнослужащих во хмелю и попытались силой вытеснить с «пяточка» гражданских парней. Те же, чувствуя себя хозяевами площадки, предприняли контрмеры. Завязалась крупная драка, которая перекинулась на улицу Гоголя и собрала с обеих сторон до полусотни участников. В ход пошли колья, бутылки, ножи, со стороны военных патрулей послышались сначала предупредительные винтовочные выстрелы, но поскольку такие меры эффекта не принесли, был открыт огонь по толпе. Результат такой потасовки был печальным: студент Иван Заславский был убит, еще один ранен, погиб и один из военнослужащих.

Однако в целом жизнь молодежи в предвоенные годы протекала весело и занимательно, невзирая на имевшие место негативные моменты в быту и общественной жизни. Молодость брала свое, рождала оптимизм. Взять хотя бы такой обычный, ничем не примечательный случай из моей студенческой жизни. На Октябрьские праздники учащихся отпускали на три-четыре дня домой. Воспользовался возможностью повидаться с родными и я. Вечером после занятий сел на поезд Ленинград — Мариуполь, и утром прибыл в Опочку. Теперь мне предстояло преодолеть еще более 50 км пешком или на попутном транспорте, но поскольку попуток не оказалось, весь путь я проделал пешком. Это был мой первый пеший переход на такое расстояние в 14-летнем возрасте. Обратный путь был сокращен тем, что отец отвез меня на лошади на станцию Опочка, а дальше, уже имея опыт железнодорожного пассажира, я благополучно добрался до Пскова.

Два года обучения в техникуме пролетели незаметно. Все студенты жили ожиданием приближавшихся летних каникул 1940/41 г. В июне шли экзамены, проводилась полевая геофизическая практика в окрестностях Пскова, и ничто не предвещало беды. В субботу 21 июня преподаватель физкультуры, придя в нашу учебную группу, предупредил, что завтра с утра мы пойдем для сдачи нормативов по прыжкам в длину и высоту, бегу на 100 метров, входящих в требования для получения значка ГТО, на стадион «Металлист» (ныне «Машиностроитель»).

Утром 22 июня 1941 г. после завтрака наша группа вместе с преподавателем отправилась на стадион. Стояло чистое безоблачное утро, предвещавшее теплый июньский день. На стадионе все необходимые занятия были проведены, и мы часов в 11 вернулись в техникум. В ожидании предстоящего обеда занимались каждый своим делом. Во дворе были смонтированы спортивные брусья и перекладины (турник), всегда находились любители заниматься и блеснуть своими успехами; вокруг спортивных снарядов толпились болельщики. Над входом в студенческую столовую был установлен радиоприемник, из которого лилась музыка и передавалась деловая информация о текущей жизни.

Ровно в 12 часов обычная информация была прервана, и в эфире прозвучали позывные, извещавшие о том, что будет передано важное правительственное сообщение. Все находящиеся во дворе и у раскрытых окон застыли в ожидании. И вот выступил нарком иностранных дел В. М. Молотов, поведавший народу о страшной беде — вероломном нападении фашистской Германии.

Жизнь в Пскове сразу же преобразилась, посуровела, сделалась тревожной и сосредоточенной. Внешне город жил обычной жизнью, но война в той или иной форме давала о себе знать. С первых дней ежедневно стали отправляться на фронт добровольцы и призывники, начались налеты фашистской авиации. Первоначально основным объектом бомбежки немцы избрали военный аэродром в Крестах, но вскоре смертоносный груз начал падать и на город, вызывая разрушения и пожары. Добровольные дружины дежурили на чердаках и крышах домов с целью борьбы с бомбами-зажигалками.

Жизнь в техникуме пока что шла своим чередом: студенты сдавали экзамены и ходили за город на полевую практику, но тревога в душе каждого нарастала. Все мы были воспитаны убежденностью в непобедимости нашей армии и сознанием того, что скоро война будет перенесена на территорию противника. Но события первых дней войны разрушили иллюзии: сводки с фронтов сообщали о стремительном продвижении немцев вглубь нашей территории по всем направлениям, и к началу июля фронт докатился до Псковской земли. 5 июля 1941 г. директор техникума А. Л. Морохов объявил, что ввиду осадного положения Пскова занятия и полевая практика переносятся на осень. Студентам предлагалось разехаться по домам до начала нового учебного года. Но возможность добраться до отчего очага была не у всех: для уроженцев северных и восточных районов она еще сохранялась, а для тех, чьи родные места оказались уже под вражеской оккупацией, ее не существовало. Так, не было возможности вернуться домой у студентов из Пушкиногорского, Опочецкого, Себежского, Красногородского районов.

В поисках выхода мы, группа студентов из указанных районов (в том числе и я) решили обратиться в горком ВЛКСМ, где нам предложили вступить в формируемый в Пскове истребительный батальон для борьбы с немецкими диверсантами в прифронтовой полосе. Поскольку нам было по 15–16 лет (возраст непризывной), командование батальона зачислило нас в свой состав — только учтя сложившуюся обстановку с нашими родными местами. Военную экипировку (обмундирование, вооружение) бойцы истребительного батальона получали на площадке у палат Меншиковых на Советской улице. Получив форменные брюки, гимнастерку и ботинки с обмотками, я и мои товарищи по техникуму отнесли свои вещи на склад в техникум, надеясь по своей наивности получить их обратно после того, как немцев от Пскова отгонят, и мы вновь приступим к занятиям.

Закончив экипировку, поужинав и приведя себя в соответствующий вид, мы стали ждать дальнейших распоряжений командования. Город горел: что-то было подожжено в результате бомбежек, а другое по распоряжению властей — чтобы ничего не оставлять врагу. По улицам города расплывался дым

и смрад, иногда раздавались взрывы. Особенно много дыма и копоти западный ветер нес в город от горевшего кожевенного завода «Пролетарий». Зрелище было жуткое.

Когда на город опустились июльские сумерки, под покровом темноты и дыма батальон был построен и двинулся в путь. Первоначально двигались по улице Гоголя, затем у Гремячей башни перешли по небольшому мостику Пскову, а дальше путь лежал на север к Крыпецкому монастырю. Прощай, любимый город! Удастся ли еще раз свидеться? Было это в ночь с 6 на 7 июля 1941 г. В целях общей скрытности двигались небольшими группами. Иногда в небо взмывали пускаемые неизвестно кем ракеты. Ходили слухи, что это немецкие шпионы демаскируют путь продвижения батальона. Днем 7 июля где-то в лесу был отдых, мы получили паек: хлеб, сухари, рыбные консервы. Мы осваивались с новыми условиями жизни, полной тревоги и неизвестности, особенно для рядовых бойцов. Никто не знал, где тот противник, с которым нам предстоит сражаться и в каком качестве. Пока что за прошедшие сутки никаких стычек с ним не было. Откуда-то проник слух, будто ночью был захвачен один из диверсантов в форме советского командира, который пускал ракеты. Еще двое суток мы куда-то продвигались то лесом, то проселочными дорогами, и 9 июля очутились в крыпецких болотах. К вечеру в наше расположение зашел красноармеец, который сообщил, что сегодня, 9 июля немцы заняли Псков.

Шли дни, военных действий не происходило, создалось критическое положение с питанием. Свои скудные запасы мы израсходовали, а пополнять их было нечем. Население близлежащих деревень скрывалось от немцев, попрятав скот и запасы продовольствия, на огородах также поживиться было нечем. К концу июля линия фронта продвинулась под Лугу, и наш батальон, потеряв связь между отдельными группами, засевшими в крыпецких болотах, оказался в глубоком тылу. В этих условиях командир нашей группы в звании капитана (фамилию его я забыл), собрав оставшихся в его распоряжении бойцов, поделился своими планами. Разделив группу на взрослых призывного возраста и подростков, он отдал распоряжение: взрослые под его

командованием будут пробиваться через линию фронта на соединение с частями Красной Армии, а подросткам предлагалось разойтись по домам и ждать возвращения советских войск. В тот же день мы, четверо подростков, взяли курс на восток, т.к. трое из нашей группы были уроженцами Карамышевского и Славковского районов. На душе у всех было тоскливо и тревожно. Двигаясь лесами, болотами и проселками, опасались напоротья на немцев, тем более, что одеты мы были в военную форму, а оружия не имели. Документы и винтовки командир при расставании приказал оставить при нем, и дальнейшая их судьба мне неизвестна. До реки Кебь наша группа двигалась в полном составе, а затем мы разделились: я повернул на юг, а трое моих товарищей двинулись на восток.

Первого живого немца я увидел на расстоянии 200–300 м от себя при переправе через реку Череху. Он стоял на посту у железнодорожного моста и не заметил, как я под прикрытием зарослей прибрежного кустарника «форсировал» реку и постарался удалиться от этого небезопасного места. В ближайшей деревне, куда я зашел попросить у селян что-нибудь поесть, мне удалось обменять мою военную форму на старые латанные застиранные брюки и рубаху-косоворотку. В таком наряде я выглядел обыкновенным деревенским сорванцом, и теперь встреча с немцами не грозила арестом. Но тем не менее двигаться я продолжал проселками, не выходя на шоссе, чтобы избежать нежелательных встреч. Но все же от одной неприятности мне уйти не удалось. Первая встреча с немцами лицом к лицу состоялась при переходе через охраняемый мост в Острове. Но все обошлось: мой латанный наряд и изможденный вид сыграли свою роль, и охрана пропустила меня без задержки. Вторая встреча произошла в лесу по дороге из Острова на Гривы, когда я неожиданно напоролся на отдохавшую немецкую колонну. Но и на этот раз все закончилось благополучно. После недельного пешего перехода, полного голодного режима и страха, 3 августа 1941 г. я вернулся в Лямоново и встретился с родителями. Они двумя днями раньше вернулись из эвакуации из Холма, где их обогнал фронт, и они оказались на оккупированной территории.

Николай Иванович Макаров: вспоминая войну

Когда я встречался в Москве с Наталией Николаевной Копыловой, дочерью бывшего комиссара 6-й Калининской партизанской бригады Макарова, ставшего известным советским ученым-историком, то, естественно, поинтересовался у неё: работал ли Николай Иванович над мемуарами, воспоминаниями о партизанской войне.

— Не успел, — ответила она. — Большая часть его жизни была посвящена научной работе. Воспоминания он откладывал, по-видимому, на «потом». Впрочем, недавно мы обнаружили небольшую рукопись, подготовленную Николаем Ивановичем в 1994 году. Он назвал ее философски «О войне и о себе». Возможно, он рассчитывал продолжить работу над воспоминаниями, но не получилось...

С разрешения Наталии Николаевны мы подготовили рукопись для публикации в журнале «Псков».

... Николай Иванович Макаров родился 19 апреля 1919 года в деревне Лубьево Меховского района (центром его было село Езерище) Витебской области БССР. Родители его — Иван Павлович и Евдокия Яковлевна — до и после Октябрьской революции обучали крестьянских детей в школе деревни Рыжаки, которая находилась на территории соседнего, Невельского района (ныне Псковской области) РСФСР. Эту же начальную школу в 1932 году окончил и Николай Иванович, а затем поступил в среднюю школу № 2 города Невель. После окончания семи классов, он, следуя семейной традиции, решил стать учителем и был принят в Невельское педагогическое училище, которое окончил в 1938 году.

И сразу решил продолжить образование в Калининском педагогическом институте, но диплом об окончании этого учебного заведения ему было суждено получить лишь в 1947 году. С третьего курса исторического факультета Николай Иванович был призван в Красную Армию — как раз с этого важного момента в своей жизни и судьбе он и начинает воспоминания. Они охватывают пери-

од Великой Отечественной войны. Это было драматическое, героическое время, насыщенное яркими, историческими событиями как в жизни страны, так и самого Николая Ивановича. Своё повествование он ведет просто, бесхитро, обращаясь иногда к цифрам и фактам, которые были хорошо известны ему как ученому-историку.

Но, думается, что всё же главная ценность воспоминаний — это чувства, мысли, впечатления самого Николая Ивановича, которые он пытался сохранить и донести до современников, как непосредственный участник описываемых событий. Причём, он не стремится подчеркнуть или выделить себя в этих событиях — он скромно, но точно показывает свое участие в Великой Отечественной войне, в партизанском движении, тем самым лишь подчеркивая, что через все испытания он прошёл вместе со всей страной, вместе с народом.

О заслугах Н. И. Макарова в партизанском движении свидетельствуют его боевые награды — ордена Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды, медали. Он прошел путь от политрука взвода до комиссара 6-й Калининской партизанской бригады, действовавшей на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Невельского, Пустошкинского, Идрицкого и других районов Калининской области, а также ряда районов Витебской области БССР.

В боевой характеристике комиссара 6-й бригады старшего лейтенанта Н. И. Макарова, выданной Калининским штабом партизанского движения в апреле 1944 года, говорится: «Командуя и руководя подразделениями, проявил себя как способный организатор и руководитель партизанского движения в тылу врага. Хорошо знает тактику партизанской борьбы. В военном отношении и политически грамотен. В боевой обстановке разбирается хорошо и принимает правильные решения. За время пребывания в партизанах провел большую политико-воспитательную работу среди личного состава

бригады..., а также агитационную работу среди населения временно оккупированной территории. Имеет хороший авторитет и доверие среди партизан и командиров. Партизаны под его руководством нанесли целый ряд чувствительных ударов противнику по уничтожению живой силы, техники и коммуникаций. В бою хладнокровен и рассудителен...»

С сентября 1945 года по сентябрь 1949 года Макаров работал инструктором и лектором Калининского обкома ВКП(б), а затем был рекомендован на учебу в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Тема кандидатской диссертации (он защитил ее в 1952 году) — «Партизанское движение и большевистское подполье в Калининской области в годы Великой Отечественной войны» (в то время она считалась «закрытой», гриф «секретно» не снят и по настоящее время). Это было первое крупное научное исследование всенародной борьбы в тылу врага на территории региона в цифрах и неопровержимых фактах, оно получило серьёзный резонанс в кругу партийных работников и военных историков.

Вскоре Калининское областное книжное издательство обратилось к Николаю Ивановичу с предложением подготовить рукопись книги, которую он и представил в начале 1957 года. Книга «Партизанские были» вышла из печати десятитысячным тиражом уже в 1958 году и была тепло встречена читателями.

С августа 1952 года Макаров работал в аппарате ЦК партии — лектором, инструктором отдела пропаганды и агитации. В октябре 1959-го его избрали первым заместителем председателя правления российского общества «Знание». Но он продолжал заниматься научной работой, и в апреле 1962 года был приглашен в институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где и работал старшим научным сотрудником, заведующим сектором без малого тридцать лет, до ухода на пенсию в июле 1991 года. Здесь он подготовил и защитил в феврале 1973 года докторскую диссертацию по теме всенародной борьбы на оккупированной врагом территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Его перу принадлежат также книги «Народная война в тылу врага», 1971 г., (в соавторстве),

«Непокорённая земля Российская» (1976 г.), статьи в научно-популярных сборниках о партизанском движении, научных журналах, центральных и областных газетах, других периодических изданиях. Многие годы он был членом специализированного совета по присуждению ученой степени доктора исторических наук при Институте военной истории Министерства обороны СССР.

Научной деятельностью Макаров занимался до самых последних дней своей жизни. Он очень дорожил отношениями творчества и дружбы, которые сложились с известными советскими учёными-историками А. А. Залесским, А. Ф. Юденковым, А. И. Штраховым — все они были участниками партизанского движения, близкими его товарищами не только по научным исследованиям, но и по духу, по убеждениям. До конца дней сохранил верность партизанскому братству — не было в жизни Николая Ивановича и его супруги Фрузы Ивановны, бывшей медсестры партизанского отряда, пожалуй, более счастливых минут, чем встречи с бывшими партизанами 6-й бригады — командирами и комиссарами отрядов, бойцами и разведчиками — Г. П. Ахременковым, В. П. Карпенковым, В. Е. Васильевым, Г. М. Зайцевым...

Научная деятельность Н. И. Макарова отмечена орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовую доблесть». Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 мая 1990 года ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». Имя его вошло в двухтомник «Историки России. XX век».

Умер Н. И. Макаров 24 октября 1997 года. Похоронен в Москве, на Ваганьковском кладбище.

Николай Чикитенко